

ЕЛЕНА СЪЯНОВА

ДЕСЯТКА ИЗ
КОЛОДЫ
ГИТЛЕРА

Елена Съянова

Десятка из колоды Гитлера

«ВЕБКНИГА»

2005

Сьянова Е.

Десятка из колоды Гитлера / Е. Сьянова — «ВЕБКНИГА», 2005

Книга представляет психологические портреты десяти функционеров из ближайшего окружения Гитлера. Некоторые имена на слуху до сих пор, другие – почти забыты. Елена Сьянова извлекла из архивов сведения, добавляющие новые краски в коллективный портрет фашизма в целом и гитлеризма в частности. Зло творилось не только выродками и не только в прошлом. Люди, будьте бдительны! – предостерегает эта книга.

© Сьянова Е., 2005

© ВЕБКНИГА, 2005

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЕСС	6
ШПЕЕР	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Съянова

ДЕСЯТКА ИЗ КОЛОДЫ ГИТЛЕРА

*В горячке зла и своеволия
Больное царство мечется в бреду.
Гете. Фауст*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Список из десяти персонажей верхушки нацистской Германии, чьи психологические портреты представлены в этой книге, составил сам собой в течение лет, которые я посвятила изучению истории третьего рейха.

Некоторые имена широко известны, другие могли встретиться читателю только в специальных изданиях. Но объединяет их одна общая черта: несоответствие, а порой полное несовпадение с образами, сложившимися в литературе различных жанров.

Иные из этой десятки, например, Мильх или Эйке, поразили меня значимостью своих ролей, притом что остались почти незамеченными «зрителями». Изображение других (Лей, Геббельс) представало в виде незавершенных набросков, и добавление новых фактов из архивных документов существенно их изменили. Оригиналы третьих (Шпеер, Риббентроп) оказались и вовсе не похожи на свои общеизвестные портреты.

Главным же стимулом показать подлинные лица стало для меня желание еще раз напомнить – зло творилось *не вырожденками в прошлом, а совершается с виду вполне нормальными людьми – здесь и сейчас* ! И даже стремящиеся всё забыть «пенсионеры духа» обязаны помнить, что у них подрастают внуки.

ГЕСС

«Немец, рожденный вне Германии, – немец только наполовину», – как-то во время одного из своих застольных словоизвержений изрек Гитлер (изречение тут же попало в блокнот к Борману) и, говорят, сам хмыкнул, по-видимому, вспомнив собственное австрийское происхождение.

В еще большей степени подобную «половинчатость» можно отнести к Рудольфу Гессу, имевшему во времена Третьего рейха громкое, «поднебесное» звание *Заместитель фюрера*.

Гесс родился в Александрии, в семье владельца крупной торгово-экспортной фирмы и только в четырнадцать лет окончательно покинул Египет для учебы в знаменитой Высшей коммерческой школе в Швейцарии, куда и в наши дни богатые отцы отправляют учиться своих старших сыновей-наследников.

Накануне Первой мировой войны восемнадцатилетний Гесс проходил стажировку в Гамбурге, заодно изучал и морское дело, мечтал о дальних плаваниях и прониклся любовью к «владычице морей» Британии. Эта влюбленность позже окажет огромное влияние на всю его судьбу.

Воевал Гесс храбро: сначала в пехоте – командовал взводом, затем в авиации, в знаменитой эскадрилье «Рихтгофен», командиром которой в конце войны стал Герман Геринг; был дважды ранен, получил два Железных креста. Войну он закончил лейтенантом. И сразу вступил в Добровольческий корпус, состоявший из националистически настроенных солдат и офицеров и созданный для борьбы с «изменниками отечества», в первую очередь с «коммунистами, социал-демократами и евреями». Предполагаемая коммерческая деятельность на посту главы фирмы молодого офицера не привлекала, и он получил согласие родителей на продолжение учебы в Мюнхенском университете, на факультете экономики, где его наставником стал бывший генерал рейхсвера, а теперь профессор Карл Хаусхофер, будущий основатель немецкой школы геополитики.

Фактически Хаусхофер, человек энциклопедических знаний и широкого кругозора, и толкнул Рудольфа Гесса на тот узконационалистический путь, который так претил ему самому; ведь именно Хаусхофер привел своего ученика в «Общество Туле», главную идеологическую предтечу будущей НСДАП.

В это время партия уже формировалась. Уже вышел из небытия Гитлер и шумел по пивным, «шутовал», как тогда о нем писали в баварских газетах. Респектабельные друзья Рудольфа Гесса над такими ораторами из пивных только смеялись.

Несмотря на мучительную неудовлетворенность и постоянные тяжелые мысли о судьбе опозоренной поражением Германии, молодой Гесс вел тогда довольно обычный для его круга образ жизни: учился, занимался спортивной авиацией и альпинизмом, влюбился в красивую девушку, свою будущую жену. Но однажды его размышления вылились у него в эссе, названное так: «Каким я вижу человека, которому предстоит вернуть Германии ее прошлое величие». Сын Хаусхофера и лучший на всю оставшуюся жизнь друг Гесса Альбрехт, которому очень не понравился сконструированный Рудольфом образ, отчасти в шутку, отчасти желая доказать другу его несостоятельность, сказал, что знает такого человека. И рассказал о «шуте из пивной». А дальше...

«Чтобы узнать, о чем думает Адольф, нужно послушать, что говорит Рудольф». «Пуци» – так его прозвали шутники-коллеги – сам был, как известно, штатным шутником из окружения Гитлера. Но о том же самом пишет в 1938 году английский посол в Германии Гендерсон, которому в то время было совсем не до шуток: «Тщательно скрытые мысли германского фюрера

порой прорываются в неофициальных речах его заместителя, как это имело место в прошлый вторник в Университете Мюнхена. Таково мнение посвященных. Сколько в том спонтанности, а сколько расчета – не скажу, однако очевидно, что Гитлер и Гесс по-прежнему необычайно близки».

До 10 мая 1941 года (дата полета Гесса на мирные переговоры в Англию) эти двое действительно почти не расставались. «Чтобы найти одного, следует поискать другого» – такое свидетельство особенно любопытно и полезно для историка тем, что Гесс, личность среди нацистов самая закрытая и подчас плохо уловимая, поддается изучению именно как alter ego Гитлера, чья фигура на историческом небосклоне двадцатых-тридцатых-сороковых видна повсеместно и отчетливо. В сущности, Гесс-политик – это и есть Гитлер (безусловно, и наоборот), а также – и вся стратегия и тактика германского национал-социализма, то есть то преступление против человечества, за которое Гесс в 45-м получил пожизненный срок. Таким образом, фигура Рудольфа Гесса может сделаться гораздо более прозрачной, чем это принято считать.

Последнее важно еще и тем, что позволяет лучше узнать личную жизнь Гесса, на которой висит гораздо больше «амбарных замков», нежели на личной жизни самого Гитлера, и в этом отношении последнего можно использовать как своего рода «отмычку» для проникновения в семью и внутренний мир его заместителя.

Вот, к примеру, отрывок из давнего письма Эльзы Гесс (жены Рудольфа Гесса) к ее подруге Ангелике Раубаль (двоюродной племяннице и возлюбленной Гитлера). В нем Эльза описывает свое первое впечатление от речи Гитлера в 1921 году:

«...И – о боже, в какую дыру мы отправились! Самая что ни на есть жуткая пивнушка, какими бонны пугают маленьких непослушных девочек. Накурено так, что щиплет глаза; повсюду грязные кружки с налипшей пеной, злые лица, хриплые голоса. Я робко спросила Рудольфа, что мы здесь будем делать. “Слушать”, – резко бросил он. В это время компания у стены горланила похабную песню, а на небольшом возвышении в конце зала кто-то что-то выкрикивал. “Его?” – глазами показала я. “Нет. Я скажу кого”, – был ответ. Когда, наконец, он указал мне на очередного оратора, я, разогнав платочком дым перед собой, добросовестно всмотрелась, но ничего не поняла. Стоял некто худенький, с мокрым лбом и странно неподвижными серо-голубыми глазами. Он стоял и молчал, но в пивной становилось все тише и тише и наконец стихло совсем. Тогда он произнес первые фразы. Сначала вполголоса и так, точно просил о чем-то. Потом – чуть громче, сильнее нажимая на отдельные слова. Внезапно его голос сорвался на хриплый крик, от которого сидящие за столиками начали медленно подниматься, и вскоре это был уже какой-то животный рев и вой, причем казалось, что зверей там хрипит несколько. Под конец выкрикнув что-то два раза подряд, он смолк, а пивная поднялась на дыбы. Все орали, гремели стульями, в воздух вздымались кружки, развешивая по плечам кружевную пену. Я стояла открыв рот... Рудольф тяжело дышал, уставившись в пол. Потом он резко взял меня за руку и вывел на улицу. Рядом в переулке нас ждала машина, но он молча шел, крепко держа мою руку, так, что я за ним едва поспевала. Внезапно он остановился, посмотрел мне в глаза. “Ты поняла?” Я ничего не поняла и не знала что ответить, но сердцем угадала: если отвечу не так, могу потерять любимого. “Он говорил о Германии?” – спросила я. Рудольф просиял: “Да, он говорил о Германии! О нашем позоре. О предателях. О величии. О нашей чести. Он...” Мы снова зашагали по темной улице. Рудольфу как будто не хватало воздуха. Я сейчас не помню, сколько мы бродили по ночному Мюнхену, но точно знаю – именно эта ночь нас соединила».

Описаний манеры Гитлера произносить свои речи в пивных Мюнхена осталось немало, но это – единственное достоверное свидетельство того, *как* слушал и воспринимал своего будущего кумира совсем еще молодой тогда Рудольф Гесс.

Безусловно, все они, солдаты Первой мировой, вышли из нее с раной в сердце, с горечью поражения и позора, с жадной реванша. Они ставили своей целью возрождение поверженной родины – цель достойная любой партии или политика. Но с чего они предполагали начать? Вокруг них была обескровленная нищая страна, отчаявшиеся, потерявшие надежду люди... Где, в чем увидел Гитлер источник сил для возрождения, для веры, для борьбы?

«Мы должны отомстить. Именно отомстить, а не только восстановить справедливость, – озвучивал Гесс мысли Гитлера в 1925 году на одной из партийных конференций. – Мы начнем с мести. Мечь – вот источник наших сил». Дальше он перечисляет, на кого должен будет опуститься «карающий меч национал-социализма» – «...на неполноценных, тянущих нацию назад в пропасть, на предателей, нанесших германской армии удар в спину, на коммунистов с их интернационализмом, на международные державы (метрополии – Е. С.) с их отрыжкой от вырванных у Германии и проглоченных кусков (колоний – Е. С.)...» А также и – на Россию, эту «собаку на сене».

Под «сеном» подразумеваются территории или «хорошая земля, плохо или неумело используемая». С годами список будет пополняться.

В сущности, так они и начали, затем растянув *«сладостный акт воздаяния»* (Геббельс) на весь период своего правления, сделав его своей религией и превращая порой в самоцель. НСДАП безусловно и справедливо называют «партией войны», но это в не меньшей степени также и «партия мести».

В иных случаях «второе я» или «тень» фюрера движется даже впереди своего носителя. «Европа – женщина, которая после Наполеона не знала настоящего господина. Теперь этот господин я! – заявляет Гитлер в 1940 году. – Но прежде чем я ее... (в подлиннике то самое слово – Е. С.), я хорошенько отхлопаю ее по щекам. Впрочем, есть много способов отомстить. Я их все знаю».

«Чтобы отомстить женщине, достаточно снять и перекроить хорошо сидящее на ней платье, а затем снова заставить надеть, – откровенно разъяряет Гесс. – Мы так и поступаем». И действительно: Рейн, Австрия, Судеты, Чехословакия, Франция, Польша... На очереди Россия, Британия... Европа становится тесной! Гитлер уже поглядывает за океан.

Многие отмечали, что при упоминании Соединенных Штатов или американцев Гитлер всегда морщился. Гесс же, озвучивая гримасы вождя словами «европейская помойка» и «недо-нация», пишет, что мечь жирующей Америке станет одновременно и мечью тем евреям, которые думают, что спаслись за океаном... путем «смешивания еврейской крови с долларами». Здесь, правда, он использует чье-то выражение (точное авторство не установлено). Возможно, оно принадлежит Юлиусу Штрейхеру, который, по его же собственному признанию, при каждой возможности «бросал в унитаз долларовую купюру прежде, чем на него усесться».

В высказываниях Штрейхера, которого, впрочем, сами же вожди считали личностью одиозной, вообще много самой грубой физиологии; зато такие «партийные эстеты», как Гесс, Геббельс, Лей очень любили слова «очищение», «дезинфекция», «стерилизация» и т. д. Гесс, которого тот же Штрейхер за глаза звал «белоперчаточником» и «чистюлей», пожалуй, и был им в действительности, о чем мы опять же узнаем от Гитлера и через него. В Бергхофе, например, во время пребывания там Гесса, фюрер приказывал своему камердинеру Гейнцу Линге убирать у себя в личных комнатах (даже если он там в это время работал) каждые полчаса, чтобы «мой Руди не видел моего свинарника». Когда же Гесса в Бергхофе не было, уборку в спальне и рабочем кабинете Гитлера делали раз в три дня, а то и реже, поскольку в отсутствие Гесса «свинарник» именовался «художественным беспорядком» и создавал вождю «рабочую атмосферу».

Рудольф Гесс был непростым в общении человеком, если не сказать тяжелым. Гитлер начал ощущать это на себе еще в тюрьме Ландсберг, где они с Гессом жили в соседних камерах. (Ниже я буду приводить в качестве примеров лишь те сцены и эпизоды, в подтверждение которым имеется не менее трех свидетельств – Е. С.). Каждое утро Гесс являлся в комнату к Гитлеру, будил его, следил за тем, чтобы тот не курил в постели, заставлял делать зарядку, а после завтрака организовывал ему «рабочий процесс»: выгонял посетителей и по его же собственному выражению «блокировал Адольфу отходы от письменного стола». (Письмо жене из тюрьмы Шпандау от 09.03.1971 г.)

Гесс не только и не столько записывал за Гитлером (чаще это делал шофер и телохранитель Эмиль Морис), сколько инициировал сам процесс сочинения «Майн Кампф», подавал идеи, а также редактировал рукопись. Если Гитлер, не привыкший к планомерному труду, начинал бунтовать, ругался, называя Гесса «плантатором», а себя – «негром умственного труда», то Гесс пугал его визитом Карла Хаусхофера, перед которым Гитлер благоговел, и таким образом часто продлевал работу над рукописью.

В середине двадцатых годов, почти сразу после досрочного освобождения, Гесс начал осуществлять свою программу «фараонизации» лидера партии, то есть возведения фюрер-принципа руководства в абсолют. Это потребовало от Гитлера, особенно поначалу, большого психического и даже физического напряжения. Гитлеру запрещалось пить спиртное, танцевать, громко смеяться, гримасничать, рассказывая что-то, рисовать дружеские шаржи (что он очень любил и неплохо делал), допускать, чтобы его перебивали... Но это было только начало. Гесс так обставлял все «выходы» фюрера куда-либо на люди, что тот чувствовал себя, по его же признанию, как «прыщ на ладони» или «мокрой курицей с павлиньим хвостом». Однако со временем он начал все легче влезать в эту оболочку, которая приросла к нему, превратив в того Гитлера-монумент, каким его и знала нация.

Любопытно, что весь этот крайне тяжелый для самого Гесса период – середину и конец двадцатых годов – он сам еще не окончательно порвал с академической средой, еще пытался заниматься наукой и работать с Хаусхофером в Мюнхенском университете. Он заканчивал диссертацию по политэкономии, участвовал в нескольких международных научных конференциях. Последний «рецидив» случился у него в 1929-м, когда он должен был поехать в Мюнхен на защиту своей диссертации. Но Гитлер, как это уже бывало, устроил спектакль с игрой в «растерянность и неспособность обойтись без своего Руди» (из мемуаров Эрнста Ганфштенгля – «Пуци», воспоминания Эльзы Гесс). И Гесс не поехал!

«Я никогда не мог понять, – писал еще в 1927 году Карл Хаусхофер, – почему сильный ум Рудольфа почти не сопротивляется... умственному возбуждению недоучки?!»

Все это «несопротивление», конечно, не могло пройти даром ни для характера, ни для интеллекта Рудольфа Гесса. Его жена Эльза, человек любящий, но трезвый и критический, с грустью отмечала, как потускнела, съезжилась с годами личность ее мужа, как прочно маска «тени фюрера» приросла к его собственной прежде неповторимой и выразительной физиономии. Эльза Гесс делает следующее предположение: может быть, поэтому «он так и цепляется за своих астрологов и всю эту “чушь” (по выражению Гитлера), что это остается той последней областью, куда Адольф еще не пытался вторгнуться». (Из письма Эльзы Гесс сестре мужа Маргарите от 05.03.1938 г.).

Однако это оскудение личности Гесса и для Гитлера имело неприятные последствия. Гесс уходил не только от самого себя; он непроизвольно отдалялся и от Гитлера, ударяясь в мистику, в парамедицину. Именно это отдаление вызвало к жизни версии о том, что заместитель фюрера со временем начал утрачивать свои позиции при фюрере и что его неожиданный для большинства полет в Англию был вызван именно стремлением вернуть прежнее положение. Версия о спонтанности принятого Гессом решения лететь на мирные переговоры, о якобы «нервном срыве» и даже сумасшествии – плод также и той пропагандистской компании, которую сам

Гесс разработал вместе с Гитлером и Геббельсом на случай своего провала. «Если моя миссия не удастся, просто считайте меня сумасшедшим», – предложил он. Это и было запущено в пропагандистский оборот.

Для меня удивительно, как сейчас кто-то еще продолжает верить в этот блеф, если уже тогда, в мае 1941 года, в Германии в него по-настоящему никто не поверил!

В архивах Трудового фронта я обнаружила прямое тому доказательство. Один из активистов Трудового фронта спрашивает инструктора отдела пропаганды, как ему объяснять людям тот факт, что самолет заместителя фюрера спокойно прошел в родном германском небе и не был ни опознан, ни сбит, тогда как Геринг постоянно повторяет, что «без его (Геринга) ведома в небо Европы не смеет подняться ни один самолет, даже спортивный».

Действительно, как?! И что делал в воздухе все время полета Гесса над территорией Германии и Северным морем руководитель Имперской службы безопасности Рейнхард Гейдрих? Шесть самолетов Гейдриха встретились над побережьем Британии в районе между Чаттоном и Амблтоном с семью английскими «Спитфайрами» и тут же мирно, повернули назад. Для чего, если не для того, чтобы передать «из рук в руки» загадочный Ме-110?! Наконец, почему с 9 мая на неделю были прекращены *все* бомбардировки британских территорий?!

Очень и очень многое, связанное с миссией Гесса и его пребыванием в Англии, останется тайной до 2017 года, когда англичане обещают открыть его досье (возможно, обманут!), но одно очевидно: Гесс всегда, до самой смерти в 1987 году в возрасте девяноста трех лет, находился в здравом уме и твердой памяти, хотя и разыгрывал эффектные спектакли с амнезией (частичной и полной), как он сам потом объяснял – «по тактическим соображениям».

Находясь много лет в изоляции, теряя ощущение реальности, Рудольф Гесс слишком боялся сболтнуть лишнее и непроизвольно выдать какую-либо информацию и потому применял эту тактику, водя за нос даже опытных психиатров.

Поразительно другое. Прожив очень долгую жизнь, имея возможность осмыслить все задуманное и содеянное его партией, его кумиром и им самим, этот человек *ни разу* не выказал и тени раскаянья. Вот его последние слова на Нюрнбергском процессе: «Много лет своей жизни я проработал под началом величайшего сына моего народа, рожденного впервые за тысячи лет его истории. Даже если бы это было в моей власти, я бы не хотел вычеркнуть этот период из своей памяти. Я счастлив, что выполнил свой долг перед народом – свой долг немца, национал-социалиста, верного последователя фюрера. Я *ни о чем не жалею*».

А вот что он написал своему сыну почти три десятилетия спустя, из берлинской тюрьмы Шпандау, в которой отбывал пожизненное заключение: «Ты должен знать, мой дорогой, и я снова повторю тебе это, что в жизни есть высшие, определяющие судьбу силы, которые мы называем, когда хотим дать им определение, Божественными. Они начинают вмешиваться в судьбы, если нужно, во время великих событий... Я *должен* был встретить Его (Гитлера – Е. С.) и пройти с Ним весь тот путь, вдохновляясь Его волей. Я *должен* был прибыть в Англию, чтобы говорить о понимании и мире. Я *должен* и теперь нести свой крест со смирением и достоинством. А ты... ты *должен* знать, что я *ни о чем не жалею*».

Думал ли он когда-нибудь о смысле прожитой им жизни?

Помогая фюреру подготовить и развязать мировую войну, он затем сделал попытку, как он сам выразился, достичь понимания и мира! Создавая партию, он легко отдал ее бюрократу и функционеру Борману, который превратил эту партию в орудие собственного влияния, в инструмент укрепления своей, бормановской власти, грозившей перерасти в абсолютизм, в «Хайль Борман!»

Желая своему единственному сыну «служения чему-либо большому, истинному и высокому», он, по сути, выхолостил, спрямил его судьбу до простого служения его, гессовскому

имиджу борца за «мир и понимание между народами»¹. Ведь было даже предложение дать Гессу Нобелевскую премию за «укрепление мира»! (Это уже после Нюрнберга, когда Гесс находился в тюрьме.)

Так где же, в чем был смысл его жизни?

Впрочем, возможно, не будь всех этих парадоксов и противоречий, убийственных для конкретной человеческой судьбы, Рудольф Гесс так и остался бы одним из тех примитивов, которыми, в общем-то, являются все апологеты человеконенавистнических идей.

На надгробии Рудольфа Гесса в его родовом имении в Вундзиледе сделана такая надпись:

Рудольф Гесс

26 IV 1894 – 17 VIII 1987

Я ПОШЕЛ НА РИСК

Есть основание считать, что такую надпись предложила его сестра Маргарита. «Молясь о твоей душе перед Всевышним, я не устаю напоминать ему, что ты *рискнул* сделать к нему шаг... И это так бесценно для нас, тебя любящих и готовящихся встретиться с тобой там, где все мы *не будем прощены*», – писала Маргарита брату, и эти слова, возможно, отчасти проясняют заложенный ею смысл в короткую эпитафию на его могиле.

«...Где все мы не будем прощены...»

А вот выдержки из письма Рудольфа Гесса сестре, датированного 1938 г.

«23 июля 1938

Берлин

Помнишь, я однажды прямо спросил – что у тебя плохо? А ты ответила, что счастлива. С этого я и начну ответ на твое письмо.

Всего за несколько дней ты увидела столько счастливых немцев – счастливых на фоне общегерманского, как ты полагаешь, зла?

Но давай по порядку. Дети ходят с флажками, берлинцы украшают город... пирожки, карточки, “трудфронтковский” социализм... тебя не пустили в кино? По-моему, в тот день ты сама оказалась под обаянием увиденного, во всяком случае, я не почувствовал ни тени иронии в этой части твоих впечатлений.

Первое мая – также и день рейхсвера? Так что же? Солдаты в основной массе – бывшие рабочие; все немецкие рабочие – будущие солдаты. Это реальность, хотя и неприятная для женщины.

<...>

---

¹ «...И если Господь всё же подарит мне свободу и я выйду наконец из этих стен, то – к каким людям я выйду? Чтобы ты понимал суть и смысл этого вопроса, я скажу тебе, что, будучи в твоём возрасте и находясь на вершине власти, я задавал себе тот же вопрос – какое общество мы построили, то есть каковы теперь стали люди: сумели ли мы улучшить их и сделать счастливей? Пожалуй, они стали счастливей, – говорил я себе. – Да, это видно, по крайней мере, по большинству. Но стало ли оно лучше?! И я приходил к такому выводу: хорошие люди стали лучше, оттого что они стали опытнее; плохие стали еще хуже, а средние, те, что ни то ни се, присоединились, увы, ко второй группе. Однажды я высказал это наблюдение А. Х. (Альбрехту Хаусхоферу – Е. С.), и он тут же развил его в свою сторону. Он сказал, что именно это *присоединение* среднего человека к первой или второй категории и есть критерий оценки общества. “Так что, – продолжил он, – ты сам и ответил себе на свой вопрос: какое общество вы построили”. <...>Мне бы хотелось, чтобы ты пристальней наблюдал людей, приглядывался к ним. Какими они стали в новой Германии? Добрее, благороднее, сложнее? Я не говорю – смелее и свободнее. Я говорю о чисто человеческих добродетелях. Признаюсь тебе, я не верю, что это так. Но я хотел бы ошибиться...3 мая 1979 года»На копии письма Рудольфа Гесса тюремная цензура не оставила имени адресата, возможно, просто по небрежности, поскольку обычно, если что-то и вычеркивалось, то лишь в самом содержании писем. Судя по всему, письмо было адресовано Гессом сыну Вольфу. У нас письма были опубликованы в журнале «Знание – сила», 2004 г., № 6, в статье «Вожди Третьего рейха: за и против войны». (К с. 22)

В своем детстве ты видела в галереях Цвингера совсем других немцев? Те же, что отдыхали там во внутреннем дворе, как ты выразилась – “в дешевом балагане”, прежде даже названия такого не слышали. Грета, подумай: во времена твоего детства и моей молодости услышать “глюкауф” возле “купальни нимф”?!

А куда все-таки подевались те “наши”, “рантье”, которых ты девочкой здесь встречала? Я тебе отвечу – никуда. Просто они стали теперь *работать*.

<...>

Я рад, что ты занимаешься сейчас реальным делом. С реальным делом удобнее жить в реальности, так же как с флажками ходить по твердой земле.

И последнее. Мне кажется, даже на долгую человеческую жизнь выпадет всего несколько лет (а то и дней) покоя и радости. Однако на долю каждого ли поколения выпадают такие годы, какие переживает сейчас вся наша нация?! И каждый ли народ, заглушая голоса недовольных, может воскликнуть голосом фрау Миллер: “Мы никогда так не жили!”

Ты спросишь – а что потом? Возможно, и ничего хорошего. Но ведь это не новость для миллионов таких фрау. Ничего хорошего не было в их жизни тысячелетиями. Но мы должны были отважиться на попытку. Мы должны были рискнуть.

Твой брат Рудольф»

Говоря о том, что сестра «занимается реальным делом», Гесс не все знал. Он думал, что она всего лишь работает над новыми учебными программами в Министерстве по делам науки, образования и культуры у Бернхарда Руста, а также с несколькими сотрудниками Министерства пропаганды Геббельса ездит по психиатрическим лечебницам, собирая работы пациентов для предполагаемой выставки. Маргарита задумала ее как напоминание властям рейха о положении этих людей; она искренне стремилась привлечь к ним внимание общественности. Однако, воспитанная в демократическом обществе, сестра Гесса забыла, что в этой Германии «общественности» больше нет. Геббельс потом использует собранные ею работы инвалидов и умалишенных для реализации собственного замысла – выставки «Дегенеративного искусства», в которой разместит эти опусы вперемежку с работами современных художников-сюрреалистов, для дискредитации последних.

Но это было бы еще ничего! Гесс не знал, что в поездках по клиникам Маргариту сопровождают личный врач фюрера Карл Брандт и энергичный рейхсдоктор Леонардо Конти, глава Имперского министерства здравоохранения, отвечающий, по распоряжению Гитлера, за программу «эвтаназии», или «легкой смерти», в рамках которой нацистское государство должно было избавиться от обременительного груза содержания неполноценных, неспособных людей.

Конти тогда сказал Маргарите, что ее поездка по сумасшедшим домам «очень своевременна», потому что... И он подробно рассказал ей всё о готовящихся «медицинских проектах», предполагаемых опытах на людях и многом другом, отнюдь не считая нужным скрывать что-либо от сестры и жены (Роберта Лея – Е. С.) верховных нацистских вождей. (Приложения 1, 2.)

Так Гесс и не узнал, что его сестра уже в тридцать восьмом году заглянула на адскую кухню гитлеровского режима.

Оттого, быть может, и появится в приведенном выше отрывке одного из ее последних писем брату это немыслимое для верующего человека – «где все мы не будем прощены».

ШПЕЕР

Сразу выскажу мысль, которую готова отстаивать: среди человеческих чувств есть одно, не поддающееся реанимации. Раз прервавшаяся «энцефалограмма» в этом случае останавливается навсегда. Это чувство – сострадание.

«...Мне никогда не забыть документальное свидетельство о еврейской семье, которая будет убита: муж, жена и дети на пути к смерти. Они и сегодня стоят у меня перед глазами.

В Нюрнберге меня приговорили к двадцати годам тюрьмы. Приговор военного трибунала, сколь ни ущербно в нем воспроизводится история, попытался также сформулировать некую вину. Наказание... положило конец моему гражданскому бытию. *Но увиденная картина лишила мою жизнь внутреннего содержания*, и действие ее оказалось более длительным, нежели приговор».

Эти слова из предисловия к «Воспоминаниям» Альберта Шпеера всегда подавались как возобновленная *энцефалограмма сострадания* человека, долгие годы прошедшего со своими воспоминаниями в окружении теней из прошлого.

А вот какой фразой Шпеер завершает свои мемуары:

«Ослепленный, казалось бы, безграничными возможностями технического прогресса я посвятил лучшие годы жизни служению ему. В итоге меня постигло горькое разочарование».

Итак: в прологе воспоминаний – «еврейская семья, которая будет убита», что лишило жизнь автора «внутреннего содержания»; в эпилоге – разочарование в служении техническому прогрессу. Вывод (его так или иначе делают все пишущие о Шпеере): если смерть (убийство) еврейской семьи необходима для технического прогресса, то... то выходит уже не Шпеер, а прямо-таки Достоевский, отрицавший большое общее благо, если в его фундамент замуровано хотя бы малое частное зло. А если так, то грешник должен быть прощен?

Но, занимаясь личностью Альберта Шпеера, я все же надеялась, что этот человек, так или иначе, но проговорится на сей счет – сам или с помощью своих «коллег» – и выдаст тот вывод, который он действительно для себя сделал.

А кто ищет, тот многое находит.

Автобиографиям можно верить лишь частично. Автобиографиям нацистов нельзя верить вообще – я повторяю это и буду повторять. Автобиографии нациста Шпеера можно верить с точностью, используя расхожее выражение – «до наоборот». Тем не менее, было время, когда многие историки нацизма провозгласили мемуары Шпеера «обширнейшим источником информации» с «точными датами, цифрами», «глубоким психологическим анализом исторического фона» и т. д. Хороша была бы история, переписанная по-шпееровски!

Что же мы знаем о нем доподлинно? Его рождение, его семья, детство, учеба, молодые годы... Что здесь выдуманно, что перевернуто – говорить не стану, поскольку сочинять о личном волен каждый пишущий. Ограничусь сухими данными из энциклопедии:

Шпеер Альберт (19.03.1905, Мангейм – 01.09.1981, Лондон). Сын известного архитектора. В 1923 году поступил в Высшее техническое училище, продолжил учебу в Берлине. В 1927-м – диплом архитектора. В 1931-м году вступил в НСДАП (партийный билет № 474481). Взлет карьеры начался с одобренного Гитлером проекта оформления партийного съезда в Нюрнберге в 1933 году. Затем успешная перестройка берлинской резиденции фюрера. С этого момента Шпеер считается «личным архитектором фюрера»...

Стоп! Вот пример характерной «дезы», которую Шпеер умудрился запустить даже в свою бесстрастную официальную биографию. Хотя в данном тексте все верно: «считается» значит

«считает себя». А дело в том, что в 1934 году Шпеер был назначен начальником отдела «Эстетики труда» Трудового фронта. Его руководитель Лей сказал Шпееру буквально следующее: «Вы прирожденный халтурщик, герр Шпеер, но работаете быстро. Меня это устраивает. К первому мая вы должны все заводские помойки переделать в скверы и цветники». «Яволь!» – ответил Шпеер. Прямое тому доказательство – протокол заседания руководства Трудового фронта от 4 марта 1934 г. Шпеер справился, после чего и получил назначение. Любимым же, и после смерти оставившим за собой звание «личного», архитектором Гитлера был Пауль Троост (1878 года рождения). Шпеер потом часто лишь руководил реализацией его проектов. В 1934 году Троост скончался. И сам Шпеер пишет в своих и «Воспоминаниях», (серия «Тирания», 1998 г.): «Смерть Трооста стала тяжелой утратой и для меня. Между нами как раз начали складываться близкие отношения, от которых я ждал для себя много полезного, как в человеческом, так и в архитектурном смысле. Функ, в то время статс-секретарь Геббельса, был другого мнения; в день смерти Трооста я встретил Функа в приемной его министра (Геббельса) с длинной сигарой посреди круглого лица: “Поздравляю! Теперь вы стали первым!” Мне было тогда двадцать восемь лет».

Жена Функа даже заболела от возмущения, когда, уже в шестидесятые годы, прочитала такое. Ведь добавив, казалось бы, кое-какие мелочи, Шпеер умудрился не только присвоить себе первенство устами Функа, но и совершенно перевернуть реальное соотношение «политического веса» Геббельса, Функа и соответственно себя самого. Дело в том, что в 1934 году Вальтер Функ формально занимавший множество должностей, в том числе и должность статс-секретаря Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, по сути, был *главным экономическим экспертом* партии и «связным» между Гитлером и финансовой элитой Германии.

Многие разработанные Функом экономические проекты затем станут «быстро» и нередко «халтурно» реализовывать Шпеер. В связи с этим само напрашивается имя Фридриха Тодта, с 1940-го по 1942 год министра вооружений и боеприпасов. Тодт погиб в авиакатастрофе, по официальной версии его пилот *по ошибке* включил механизм автоматического самоуничтожения самолета. Нужно сказать, «очень вовремя», поскольку все основные экономические военные программы к тому моменту Тодтом были уже запущены. Но прекрасно образованный и ответственный министр вступил в жесткий конфликт с Гитлером по поводу сроков их реализации, иными словами, по поводу сроков начала войны!

После смерти Тодта Гитлер предложил его пост Лею, но Лей отказался, по той же причине, и предложил вместо себя «быстро работающего халтурщика» Шпеера. К 1942 году Шпеер получил вожеленное назначение – министром вооружений и боеприпасов, начав быстро реализовывать проекты Тодта. Одним словом, где ни копни, везде что-нибудь, да приврал. Поэтому, чтобы окончательно не увязнуть в подобных рассуждениях, прерву описание формальной биографии Шпеера, и продолжу сразу с сорокового года. Не могу удержаться лишь от одной иронической реплики: на странице 331 упомянутого издания говорится, что «В 1942 году... его ум (Гитлера – Е. С.) начал терять былую остроту...» Так и хочется сказать: молодец, Шпеер! Хотя бы раз дал честное объяснение своему назначению.

Возвращаясь к началу деятельности Шпеера на посту министра вооружений, отмечу два основных момента, связанных с готовящейся войной, а также и со степенью посвященности Шпеера в тайные планы Гитлера. Первый – полет Гесса в Англию. Читаем: «Через двадцать лет в тюрьме Шпандау Гесс... заверял меня, что идею полета внушили ему во сне неземные силы». («Шпеер может лишь подозревать истину, но он ее никогда не узнает» – это слова Гесса того же времени.) Другой момент: осень 1940 года, второй визит Молотова в Берлин. Напомню – в девяностые годы наши псевдоисторики делали попытки доказать, что в ноябре 1940-го Сталин и Гитлер поделили между собой весь мир. Читаем у Шпеера: «В середине ноября 1940 года в

Берлин прибыл Молотов. <...> В гостиной Бергхофа стоял большой глобус, на котором я мог видеть негативные последствия этих переговоров. <...> Гитлер пометил, где будет кончатся область государственных интересов Германии и начинаться сфера интересов Японии. <...> Гитлер вызвал меня в свою Берлинскую резиденцию и предложил сыграть для меня несколько тактов из прелюдий Листа. “Эту музыку вы будете часто слышать в ближайшее время, ибо так будут звучать победные фанфары в нашем русском походе”».

Если не касаться деталей, ради которых Шпеер это писал и которые снова переврал, то общая картина дана верно. Упомянутый глобус стоял у Гитлера довольно долго: накануне переговоров с Молотовым на нем был красный цвет (СССР), и коричневый (Германия), по плану Розенберга; а после переговоров глобус перекрасили в коричневый и желтый (Япония). Еще откровеннее по поводу переговоров высказался Розенберг: «Русские отказались делить с нами мир». Дальше – прелюбопытная деталь! – Розенберг (напомню, главный эксперт по СССР) приводит высказывание Молотова на этих переговорах. Молотов, цветисто аргументируя позицию СССР, цитирует из «Политики» Аристотеля: «Поистине величайшие несправедливости совершаются теми, кто стремится к излишествам, а не теми, кого гонит нужда». Поскольку Розенберг приводит эти слова в секретном отчете о переговорах для сотрудников своего аппарата (от 29 ноября 1940 г.), то для непонятливых, по-видимому, он поясняет: «Сталин под “излишествами” подразумевает предложенные нашими экспертами обширные сферы будущих владений СССР».

Так вот, Шпеер приводит цитату из Аристотеля, якобы произнесенную им, Шпеером, по совершенно другому поводу, причем в следующем же абзаце.

Однако вернемся к войне. Как только речь заходит об участии в планировании и разжигании Второй мировой войны, Шпеер в своих мемуарах становится осторожен. Но постоянно попадает в двойственность: с одной стороны, нужно преуменьшить свою роль в этих делах; с другой – так хочется показать, подчеркнуть свою значимость, незаменимость при Гитлере! Итак, читаем: «К концу 1941 года <...> мне поручили устранять разрушения от бомбежек и строить бомбоубежища». Это правда. Осенью того же года Шпеер путешествует по Португалии. Затем ему, помощнику Тодта, отводят в качестве поля деятельности всю Украину. Это «поле» так и осталось на бумаге. И так далее, в том же духе. И вдруг – судьбоносный вызов в кабинет Гитлера: «Господин Шпеер, я назначаю вас преемником доктора Тодта. <...> Вы замените его на всех постах». <...> – «*Но я же ничего не понимаю*», – возразил я. «Я верю, что вы справитесь», – ответил Гитлер. Вот так, прямо – снег на голову бедняге. Ну что ему оставалось? «Яволь, мой фюрер!»

Но когда Геринг хотел немного разгрузить новоиспеченного министра и взять на себя часть полномочий покойного Тодта, Шпеер так энергично возражал, что Геринг в присутствии Гитлера обругал его крепким словом, а Гитлер махнул рукой: «Разбирайтесь сами». И Шпеер опять всю ситуацию вывернул на свой лад, многое просто сочинил, например, отказ Геринга присутствовать на похоронах Тодта.

Так или иначе, но Шпеер, наконец, приступает к работе. Напомню, это был февраль 1942 года.

Покойный Тодт ввел два основных направления в работу министерства: производство вооружений и их модернизация. Отдельно выделял сферу снабжения. Цель – полное удовлетворение потребностей военной промышленности. Общую концепцию – освобождение промышленности от чрезмерной опеки со стороны государства – заявил еще Ратенау, в 1917 году. И Тодт учился у Ратенау, постоянно на него ссылаясь. Шпеер, во всяком случае, в мемуарах, «ободрал» обоих и все авторство приписал себе. Только в очень редких случаях он говорит «мы». Например, сообщая, что к августу 1942-го общая производительность труда в военной

промышленности увеличилась на 59,6 %, он объясняет это тем, что «мы смогли мобилизовать неиспользованные ресурсы». «Мы» с Ратенеу, Тодтом, Герингом и остальными, надо полагать.

Хочу, однако, пояснить. Я постоянно, что называется, «цепляюсь» к Шпееру не оттого, что он мне как-то особенно несимпатичен. Просто с ним очень трудно работать историку. Порой он так по-детски убедителен в своем вранье, что все время ловишь себя на мысли, а вдруг – правда?.. Нужно проверить. Допроверялась я до остервенения, пока окончательно не поняла – другого человека с *таким*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.